

ШПИОН НА БОРТУ

Алексей Полежаев

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

роман

18+

Алексей Полежаев

Шпион на борту

«Автор»

2026

Полежаев А.

Шпион на борту / А. Полежаев — «Автор», 2026

Анна Васильева тщетно скрывается от опасного прошлого. Работает обычной стюардессой. Но её желание отдохнуть от суеты терпит фиаско. На борту круизного лайнера «Одиссей» её вновь втягивают в шпионскую игру: возвращаются люди из прежней жизни, а под видом обычного, хотя и дорогого туристического рейса разворачивается операция вокруг одной секретной технологии. Анна понимает, что за происходящим стоит не один человек, а целая система. Максим, Елена, Виктор, Гриша и другие участники этой истории оказываются не теми, кем кажутся. Одни предают, другие спасают, третьи ведут собственную игру. Чтобы выжить и поймать предателя, Анне приходится шаг за шагом восстанавливать разорванную связь, происходящих событий.

© Полежаев А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Акт I. Ниже ватерлинии.	5
Глава 1. Незнакомка на палубе	6
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Шпион на борту

Акт I. Ниже ватерлинии.

Глава 1. Незнакомка на палубе

Она стояла у стойки регистрации с паспортом в руке, вдыхая запах озона с тонким едва уловимым металлическим привкусом. Системы безопасности были хорошо замаскированы, но для неё они кричали так громко, будто их подсветили ракетницей.

Пальцы дрогнули, задев край сумочки. Старая рана на левой руке заняла без видимой причины. Личный индикатор, выработанный годами там, где слово «отдых» означало лишь смену локации. Анна усмехнулась про себя: рука не обманывала ни разу.

Она увидела его сразу. Мужчина в тёмном пальто стоял у колонны, делая вид, что изучает программу мероприятий.

Правая рука чуть напряжена, локоть слегка отведён — характерная стойка тех, кто готов стрелять в любой момент. Оружие спрятано сзади, под ремень.

Анна смотрела на него ровно три секунды — достаточно, чтобы запомнить, но недостаточно, чтобы выдать интерес.

Этого хватило, чтобы понять главное: она его уже видела. Где? Когда? Память цеплялась за детали, но не давала картинки. Это бесило.

Лайнер «Одиссей» сверкал хромированными перилами и мягко мерцал скрытыми лампами — та роскошь, которая должна успокаивать и настраивать на отдых. Отдохнуть не получится, подумала Анна, заходя в бар.

— Ваш коктейль, мадам. Стюард возник слева бесшумно, как призрак. Молодой, с чересчур услужливой улыбкой, от которой профессионалы всегда напрягаются. Он протянул бокал, но глаза его смотрели не на Анну, а сквозь неё, сканируя холл.

— Спасибо, — Анна взяла бокал, не отводя взгляда от колонны.

— Хотя, знаете, я бы на вашем месте заказал двойной эспрессо. Впереди длинная ночь...

— Вообще-то я планировала после ужина сразу пойти отдохнуть. А что интересная программа планируется?

— О, мадам, вы точно не пожалеете, если останетесь.

— Пожалуй, я так и сделаю, — ответила Анна.

Лёгкая музыка из соседнего салона текла в холл ненавязчиво, не мешая разговорам, но всё же подталкивая гостей к бальному залу.

Анна уловила это сразу. На хороших объектах людям просто создают ощущение, что они сами делают правильный выбор.

Поток гостей уже смещался в сторону зала. Мужчины в смокингах и тёмных костюмах двигались медленнее, чем обычно двигаются люди, опаздывающие к началу программы.

Женщины улыбались, поддерживали беседу, поправляли серьги, касались чужих локтей с той степенью непринуждённости, за которой обычно прячут нервное ожидание. Вечер ещё не начался, но схема уже работала.

Анна сделала ещё один глоток и позволила толпе втянуть себя в общий поток. Не сопротивляясь, не ускоряясь. На таких мероприятиях опасно как спешить, так и задерживаться. Спешащих замечают. Отстающих запоминают.

Перед входом в зал гостей встречал сухощавый метрдотель с серебристой прядью у виска. Он улыбался всем одинаково, но взгляд его скользил по лицам с точностью сканера. У кого бокал пуст, у кого приглашение лежит в левом кармане, кто пришёл один, кто уже успел выпить лишнего, кто нервничает.

Когда Анна проходила мимо, он задержал взгляд на её запястье дольше, чем требовал этикет и лишь потом плавно отступил в сторону.

Бальный зал был выстроен вокруг роскоши, которая должна подавлять не размером, а уверенностью в собственной естественности. Свет падал мягко, не слепил, но выхватывал хрусталь, полированное дерево, перламутр на воротниках, камни на чужих руках.

На дальнем конце подиума квартет играл что-то известное настолько, что никто уже не вслушивался.

Музыка здесь была не для того, чтобы её слушать. Она выполняла ту же функцию, что и запах дорогих духов в воздухе: заполняла пустоты, чтобы люди не услышали ничего лишнего.

Анна остановилась у края зала, будто просто выбирая, куда лучше пройти. На самом деле она считала.

Три выхода. Один основной, два вспомогательных. У служебной двери — официант с пустым подносом, который слишком редко моргал. У колонны справа — женщина в зелёном шёлке, одинокая ровно настолько, чтобы не вызывать вопросов.

У дальних окон — мужчина с дипломатическим загаром и ленивой улыбкой человека, привыкшего, что его пропускают раньше других.

И ещё — тот самый мужчина в тёмном пальто. Он по-прежнему стоял у колонны, делая вид, что скучает.

Анна повернулась боком, поймала в зеркальном отблеске витрины его силуэт и только тогда позволила себе осмотреть остальное.

Слева от неё прошли двое в форме корабельной службы. Эти — официальный контур.

У бара мелькнул короткий кивок между стюардом и человеком у рояля. Женщина в зелёном шёлке ни разу не взглянула на охрану, зато дважды — на служебный выход. Третий контур. Три группы минимум.

Лайнер держали под наблюдением сразу несколько контуров. Здесь смотрели друг за другом так же внимательно, как за гостями. И это было хуже всего. Когда на борту один хозяин — его можно вычислить. Когда хозяев несколько, ловушкой становится весь лайнер.

— Прекрасный вечер, не правда ли?

Голос раздался у её плеча ровно в ту секунду, когда она успела решить, что ещё минуту сможет оставаться незамеченной. Анна обернулась с той лёгкой задержкой, которая допустима для человека, отвлекшегося на музыку, но недопустима для человека, застигнутого врасплох.

Перед ней стоял мужчина лет шестидесяти, сухой, прямой, с манерами человека, который никогда не повышает голос просто потому, что не привык повторять дважды.

Волосы серебристые, костюм тёмный, без лишнего блеска, на руке тонкие часы без логотипа. Не медийная личность, но из той категории людей, которых знают не в лицо, а по интонации.

— Для тех, кто любит море, — ответила Анна.

Он чуть улыбнулся.

— А для тех, кто любит людей?

— Тогда вечер опасный.

Мужчина посмотрел на неё внимательнее, чем позволял светский тон.

— Хороший ответ. Значит, вы не скучаете.

— Я редко скучаю там, где красиво.

— Осторожный подход.

— Практичный.

Он слегка склонил голову, принимая и ответ, и саму формулировку.

— Лев Мещерский.

Само имя Анне ничего не сказало. Зато реакция окружающих сказала достаточно. Двое мужчин у столика синхронно повернули головы. Женщина в зелёном шёлке будто случайно сместилась на полшага, чтобы видеть их в профиль.

Официант у бара перестал протирать уже и так чистый бокал. Значит, фигура не декоративная. Патрон вечера или один из тех, кто оплачивал само существование подобных вечеров.

— Анна Васильева.

— Знаю. Список гостей у нас хороший. Иногда даже слишком.

Последняя фраза прозвучала как светская шутка, но не была таковой. Анна уловила это сразу.

— Вам часто приходится жалеть о выборе компании?

— О компании — почти никогда. О причинах, по которым люди соглашаются прийти, — значительно чаще.

Он говорил тихо, но не доверительно. Скорее так, будто уже имел право на лишние полтона.

— А по какой причине пришли вы?

— Разве не из любви к морю?

— Морю обычно не нужны приглашения.

Мещерский плавно повёл ладонью, указывая в центр зала.

— Позвольте хотя бы представить вас нескольким людям, иначе мне припишут невежливость.

Отказываться было нельзя. Анна кивнула. Он не взял её под руку. Просто пошёл рядом, сохраняя безупречно правильную дистанцию. Вот только траекторию выбрал так, чтобы им пришлось пройти мимо двух ключевых точек сразу: бара и колонны, у которой стоял мужчина в пальто. Случайностью это не было.

Анна поймала отражение. Мужчина в пальто остался неподвижен. Зато человек у бара едва заметно коснулся пальцами края стойки. Сигнал. Их ждали не в одном месте.

— Господин посол, — мягко произнёс Мещерский, останавливаясь возле группы у окон.

— Позвольте украсть у вас минуту.

Мужчина с дипломатическим загаром неторопливо обернулся. Внешне — изрядно выпивший гость с расслабленной позой и ленивой улыбкой, в которой было ровно столько дружелюбия, сколько требовал момент. Только взгляд не вписывался в эту роль: быстрый, трезвый, оценивающий.

— Ради вас, Лев Аркадьевич, — всё что угодно.

Посол, подумала Анна. Или человек, которому удобно, чтобы его так называли.

— Анна Васильева. Господин Сорокин.

— Очень приятно.

Рукопожатие было сухим и кратким. Он не сжал ладонь сильнее, чем следовало, не задержал её дольше, чем позволял этикет. Но хват лёг так точно, что Анна сразу поняла: при желании он за долю секунды превратит приветствие в болевой залом. Без рывка. Без злости. Не меняя выражения лица.

Не дипломат. Так держат руку не для приветствия. А когда заранее знают, как её сломать.

Рядом стояла женщина в зелёном шёлке. Вблизи она оказалась старше, чем казалось издали. Красивая, собранная, с тем типом лица, который не запоминается сразу, зато всплывает потом в самый неприятный момент.

— Елена Баранова.

Она улыбнулась первой, но глаза её остались холодными.

— Мы, кажется, уже виделись.

Анна выдержала паузу ровно настолько, чтобы не выдать ни узнавания, ни отрицания.

— На таких вечерах это почти неизбежно.

— Или на таких направлениях.

Фраза прозвучала легко. Почти небрежно. Но Мещерский на долю секунды повернул голову именно к ней. Сорокин тоже. Слишком маленькая фраза для такой реакции. Значит, закладка.

Анна запомнила.

— Елена курирует культурную программу этого рейса, — сказал Мещерский, будто сглаживая лишний угол.

— Благодаря ей люди ещё делают вид, что приезжают сюда ради музыки.

— А разве не ради музыки? — спросила Анна.

— Все приезжают ради правильного предложения, — сказала Елена.

— Настоящая причина обычно появляется позже.

Сорокин усмехнулся.

— Опасный у вас состав сегодня, Лев Аркадьевич.

— Наоборот. Исключительно безупречный.

Он сказал это так, что любой посторонний услышал бы комплимент. Анна услышала проверку.

Официант подал им свежие бокалы. Анна взяла новый, не сделав ни глотка. Елена держала шампанское так, будто забыла о его существовании. Сорокин пил много, но не пьянел. Мещерский не пил вовсе.

Четвёртый контур, подумала Анна. Не зрители, не силовики, не персонал. Игроки.

Музыка сменилась. На паркете начали собираться пары. Люди двинулись мягко и слаженно, словно всё это время ждали именно этой команды. Кто-то громко засмеялся. Где-то у дальнего столика щёлкнуло стекло о стекло.

Вечер входил в ту стадию, когда формальное разделение «гости» и «персонал» становилось менее заметным. И именно тогда на подобных площадках случалось самое важное.

— Вы танцуете? — спросил Мещерский.

— Когда нет выбора.

— Прекрасная формулировка. Значит, сегодня вам повезло.

Он не успел сделать приглашающий жест. Сорокин опередил его:

— Позволите?

Отказывать второй раз подряд было неосторожно. Анна кивнула. Сорокин вёл чисто, как человек, который умеет держать корпус, дистанцию и пространство. Его ладонь легла ровно, шаг был собран, дыхание спокойным.

Такие не учатся для бала. Такие учатся потому, что движение с чужим телом — это тоже контроль.

Они вошли в общий круг. Анна сразу поняла, зачем ей понадобился именно этот танец.

В центре зала легче наблюдать края. Отсюда были видны все три выхода, бар, колонны, лестница наверх, окна, оркестр и люди, которые старательно делали вид, что заняты только собой.

— Вы не похожи на туристку, — сказал Сорокин, не глядя на неё.

— А вы не похожи на посла.

— Уже оскорбили или только собираетесь?

— Проверяю уровень искренности.

— Нашли?

— Пока нет.

Он едва заметно улыбнулся.

— Правильно. Искренность здесь дорогая редкость.

Они повернулись. В зеркальном отсвете Анна увидела мужчину в пальто. Тот больше не стоял у колонны. Теперь он медленно двигался вдоль стены, будто просто искал, где удобнее остановиться. Но траектория его пути пересекалась с траекторией пары, где танцевала Анна.

— У вас плохой вечер? — спросил Сорокин.

— У меня слишком тихий вечер.

— Тишина вам не нравится?

— Смотря чья.

Он чуть сильнее прижал ладонь на её спине. Проверил, нервничает ли она. Анна взглядом ушла через его плечо — к бару, где стюард, тот самый, уже снова стоял с подносом. На этот раз он не смотрел на гостей. Он смотрел на часы над стойкой. Ещё одна метка.

Она пропустила смену шага. Нога Сорокина коснулась её туфли, но не задела всерьёз. Мелькнул виноватый взгляд. Анна успела подстроиться и продолжила движение так, будто ничего не произошло.

Сорокин это заметил.

— Вас кто-то интересуется? — спросил он тихо.

— Все, кто старается не интересоваться.

— Тогда вам сегодня будет весело.

— А вам?

— Я здесь по работе.

— И какая у вас работа?

— Сегодня — слушать музыку.

Он врал слишком лениво, чтобы рассчитывать на доверие. Значит, ответ был нужен не для правдоподобия, а для маркировки границы. Они сделали ещё круг.

Елена стояла уже не у окон, а ближе к галерее. Мещерский говорил с кем-то невидимым за спинами гостей. Мужчина в пальто приблизился ещё на несколько метров. Теперь между ними было не больше трёх пар.

— На вашем месте я бы не стоял под люстрами слишком долго, — сказал Сорокин.

— Почему?

— Свет делает людей беспечными.

— Или удобными мишенями?

— Вы всё время об одном и том же думаете?

— Нет. Только когда оркестр играет слишком хорошо.

В следующий поворот в круг вошла ещё одна пара, и на секунду обзор перекрылся. Этого хватило. Когда пространство снова открылось, мужчина в пальто оказался уже у противоположной стены, а один из музыкантов на подиуме незаметно поменялся местами с другим — посреди общего движения.

Система жила под вежливой поверхностью так плотно, что почти переставала прятаться.

— Вы напряжены, — сказал Сорокин.

— А вы нет?

— Я давно уже перестал считать это напряжением.

Музыка закончилась. Аплодисменты вспыхнули и быстро угасли. Сорокин отпустил её руку так изящно, будто и это было частью тренировки.

— Благодарю.

— Взаимно.

— Будьте аккуратнее с маршрутами, Анна.

Он ушёл прежде, чем она успела ответить. Возле служебной двери его ожидал тот самый официант с пустым подносом.

Через секунду между ними прошёл пожилой гость с цветком в петлице, и дверь на миг приоткрылась. Этого хватило, чтобы увидеть кусок коридора и человека в форме корабельной охраны.

Контуры не просто сосуществовали. Они пересекались.

— Вы танцуете лучше, чем выглядите, — сказала рядом Елена Баранова.

Она подошла бесшумно. Слишком близко для случайного комплимента, слишком вежливо для угрозы.

— Спасибо. Вы наблюдаете за гостями так, будто сами их не любите.

— Я люблю порядок. А гости редко его соблюдают.

— И что здесь считается нарушением?

Елена отпила шампанское — впервые с тех пор, как Анна увидела её вблизи.

— Самое неприятное? Когда человек приходит не за тем, за чем его звали.

— Это часто случается?

— Только на интересных рейсах.

Анна наклонила голову.

— И этот — интересный?

— Этот уже стал.

Она улыбнулась и отступила, уступая дорогу официанту с устрицами. Тот прошёл между ними, почти не замедлив шага, но в момент, когда поднос оказался рядом с Анной, один из моллюсков сдвинулся.

Под ним лежал сложенный пополам кусочек карточки — крошечный, меньше визитки. Настолько маленький, что обычный гость принял бы его за бумажную подкладку.

Анна не взяла. Даже не посмотрела. Официант прошёл дальше. Через секунду карточки уже не было.

Значит, проверка. Или предложение. Или и то и другое сразу. Мещерский снова появился рядом, словно всё это время держал расстояние ровно настолько, чтобы не мешать и не терять её из виду.

— Надеюсь, вас ещё не утомили.

— Только начали.

— Прекрасно. Значит, вечер удался.

Он кивнул кому-то у сцены. Квартет уступил место танцевальному оркестру.

Свет приглушили, музыка стала громче, гости начали расходиться по залу. В такой толпе проще исчезнуть. И проще следить.

— Скажите честно, — сказал Мещерский, глядя не на неё, а в центр зала.

— Вы всегда так быстро начинаете видеть лишнее?

— А вы всегда так быстро начинаете задавать неудобные вопросы?

— Только когда собеседник этого стоит.

— Тогда вы рискуете разочароваться.

— Наоборот. Я давно не испытывал любопытства.

Он повернулся к ней.

— Вам подходит этот вечер. Вы не теряетесь в нём.

— Возможно, он просто пока не показал зубы.

— В хороших путешествиях зубы показывают не сразу.

Снова это упоминание про маршрут. Некоторое время они молча стояли рядом, будто оба просто смотрели на танцующих. Каждый из них ждал, кто первым сделает следующий ход.

У входа в зал кто-то громко рассмеялся, уронил бокал, стекло разлетелось по паркету. Несколько человек отшатнулись. Обычная неловкость.

Но пока все повернули головы на шум, мужчина в пальто сдвинулся с места и пересёк половину зала.

Анна увидела это боковым зрением. Увидела и то, что стюард у бара не двинулся — будто ждал именно этого манёвра. И то, как Елена Баранова, наоборот, будто случайно изменила позицию так, чтобы теперь между женщиной в пальто и Анной стояли две пары и высокий официант.

Не одна игра. Несколько игр одновременно. И в этот момент кто-то мягко коснулся локтя Анны.

— Вас ищут у галереи, — тихо сказал молодой официант, которого она прежде не видела.

— Кажется, перепутали с кем-то из прессы.

Он уже уходил, когда Анна спросила:

— Кто именно?

Официант даже не обернулся.

— Тот, кто опаздывает только один раз.

Пустяковая фраза. Сказанная так, будто не значила ничего. Но она сразу легла в память рядом с «на таких переходах» и взглядом стюарда на часы.

Её вели вежливо, красиво, но, слишком аккуратно.

— Проблема? — спросил Мещерский.

— Пока нет.

— Тогда не торопитесь её создавать.

Он оставил её раньше, чем она решила, хочет ли продолжать этот разговор. Просто растворился среди гостей с той лёгкостью, которой не бывает у действительно случайных людей.

Через секунду рядом с ним уже шёл какой-то седой господин с орденской планкой на лацкане, а через две — оба выглядели так, будто весь вечер только и обсуждали музыку.

Анна медленно поставила почти полный бокал на поднос проходящего мимо официанта и двинулась к галерее.

Иногда безопаснее пройти путь, который тебе предложили, чем слишком рано демонстрировать упрямство.

Галерея нависала над главным залом дугой полутени. Отсюда музыка звучала глуше, а лица внизу становились масками.

Несколько гостей стояли у перил, разглядывали море за панорамными окнами, смеялись, обменивались дежурными репликами.

Анна прошла мимо них и сразу почувствовала, что это место устроено как фильтр. Здесь тише, уже и проще заметить, кто к кому подошёл.

У дальнего окна стоял человек в белом кителе корабельной службы. На лацкане — значок старшего распорядителя. Он держал планшет и делал вид, что проверяет список гостей.

Когда Анна приблизилась, он не поднял головы.

— Госпожа Васильева?

— Допустим.

— Нам поступила просьба подтвердить одну деталь по размещению. Чистая формальность.

— Какая именно?

— Седьмая палуба, правое крыло. Всё верно?

Слишком точное знание для формальности. Он не спрашивал. Он отмечал.

— Верно, — ответила Анна.

— Благодарю.

Он нажал что-то в планшете и наконец поднял взгляд.

Обычное лицо. Спокойное. Усталое. Только глаза — слишком пустые для человека, занятого скучной рутинной.

— Надеюсь, вам у нас будет спокойно.

— Вы так говорите, будто это редкость.

Анна коротко улыбнулась — достаточно вежливо, чтобы не выглядеть грубой, — и ушла прежде, чем он решил продолжить.

Паники не было. Только холодная собранность. Слишком много мелких деталей уже цеплялись друг за друга.

У лестницы на верхний ярус она остановилась и посмотрела вниз.

Зал жил своей красивой, дорогой, уверенной жизнью. Люди смеялись. Официанты носили шампанское. У бара кто-то спорил о вине. У окна женщина в зелёном шёлке слушала высокого седого мужчину. Мещерский снова был в центре компании. Всё выглядело так, будто вечер удался.

И только мужчина в тёмном пальто больше не стоял у колонны. Его не было ни у стены, ни у бара, ни в галерее, ни среди танцующих.

Она дошла до лифта, нажала кнопку. Двери бесшумно сомкнулись, кабина мягко тронулась. На табло загорелся номер палубы — 7. Её каюта была там.

Дверь открылась, и Анна шагнула в коридор, устланный ковровой дорожкой с узором под старину.

Где-то гудела вентиляция — ровно, монотонно, почти усыпляюще.

Она остановилась у двери, вставила карточку.

Замок щёлкнул. Внутри было прохладно и темно. Анна автоматически проверила щель между дверью и косяком — волосок, оставленный утром, был на месте.

Она нахмурилась. Значит, ещё не открывали. Или открывали так, что следа не осталось. Анна шагнула внутрь, включила свет и замерла. На столике у зеркала лежал конверт.

Анна вскрыла его, достала листок. Внутри была фотография.

Старая, выцветшая. На ней — она сама. И человек с перечеркнутым лицом. Снизу — одна фраза, отпечатанная на принтере:

«Ты следующая. Вспомни Берлин». Пальцы дрогнули. Слово ударило под дых, хотя память не выдала ни одного лица, ни одной улицы.

Анна перевернула снимок. На обороте — её собственный почерк. Она узнала бы его из тысячи. Одно слово: «Соловей».

Слово на карточке, как спусковой крючок, до которого уже дотронулись. Почерк был её. В этом сомнений не было. Но именно это и пугало сильнее всего: чужая уверенность в том, что она узнает своё и пойдёт туда, куда её поведут.

Она медленно перевернула снимок обратно, положила на стол и прислушалась.

За стеной проходили люди. Где-то в глубине палубы хлопнула дверь. По вентиляции тянуло холодом и слабым запахом машинного масла, которого в пассажирском крыле быть не должно.

Лайнер дышал ровно, спокойно, почти усыпляюще. Но теперь этот ритм звучал иначе: слишком гладко, слишком выверенно, будто кто-то специально оставил ей несколько секунд тишины, чтобы она успела испугаться и сделать следующий шаг сама.

Анна подошла к двери, выключила верхний свет и замерла у косяка. Глаза привыкли к полумраку быстро. Ковровая дорожка гасила шаги, лампы в нишах светили тепло и мягко, как в хорошем отеле. Только хороший отель не оставляет на столе фотографию с твоим лицом и мёртвой кличкой.

Она взяла с тумбы тонкую заколку, сунула в рукав небольшой складной нож и вышла.

Снаружи воздух показался теплее, чем в каюте. Или это просто кровь разогрелась.

Анна двинулась влево — не к лифту и не к основному коридору, а туда, где пассажиры обычно не ходят без причины. Днём, проходя мимо каюты 1718, она заметила на косяке едва различимую царапину — слишком ровную для случайного скола и слишком аккуратную для следа от багажа. Тогда она только отметила это в памяти. Сейчас у неё не осталось права на «потом». У поворота она замедлилась.

Служебная дверь, ведущая в технический коридор, была приоткрыта. Изнутри падал узкий треугольник света. Слышались два голоса. Мужской и женский. Говорили тихо, но не настолько, чтобы ничего не услышать.

Анна остановилась у декоративной вазы с высокой сухой травой, будто просто рассматривая композицию, и поймала в зеркальном металле боковой панели отражение дверного проёма.

— ...я сказала, что позже, — произнёс женский голос. Низкий, раздражённый, с едва заметной хрипотцой.

— Пока он не двинется, никто не будет резать сектор.

— Он уже двинулся, — ответил мужчина.

— По времени мы и так на грани.

— Значит, не ты решаешь.

Короткая пауза. Щелчок гарнитуры.

— Семнадцать восемнадцать пока чисто, — сказал тот же мужчина уже тише.

— Но она на палубе.

— Я знаю.

Женщина. Значит, 1718 был в контуре не случайно. И кто-то уже держал этот номер в активной фазе.

Анна едва заметно сдвинулась, чтобы увидеть больше. В щели мелькнул рукав форменного кителя — белый, корабельный, идеально выглаженный. Не охрана. Персонал. Или тот, кто выглядел как персонал. Лица не было видно.

Женщину она не увидела вовсе — только кончик зелёного шёлкового рукава, и тот исчез в тени раньше, чем память успела вытащить имя. Но зелёный шёлк в этом вечере уже мелькал.

Не одна группа. Не один сценарий. И не один уровень доступа.

Анна выждала ещё две секунды. Голоса стихли. Свет в щели дрогнул и погас. Кто бы ни был внутри, они либо ушли, либо встали так, чтобы их не увидели. Остаться на месте было уже глупо.

Она прошла дальше так, будто просто ошиблась коридором. Туфли беззвучно скользили по ковру. У каюты 1718 Анна не остановилась сразу — миновала ещё две двери, дошла до маленького овального окна в тупике и только там развернулась, будто решила вернуться.

Теперь номер был перед ней. С первого взгляда — обычная дверь, ничем не хуже и не лучше соседних.

Но у соседних считыватели спали. Этот едва заметно ожил ещё до того, как Анна поднесла к нему карту: короткая белая вспышка в глубине стекла — не приглашение открыть, а запрос. Умная дверь не ждала гостя. Она проверяла подходящего.

У ручки не было обычной матовости от касания десятков ладоней. Наоборот — металл был вытерт слишком чисто, до холодного ровного блеска. Ни отпечатков, ни случайных касаний, ни ленивой работы уборщицы. Здесь стирали следы не для красоты.

А у нижнего края косяка темнела та самая царапина — короткая, ровная, оставленная не ударом и не чемоданом. Метка. Не для пассажиров. Для тех, кто должен был найти этот вход без номера в памяти.

Анна прошла мимо ещё раз, уже медленнее, и в момент, когда оказалась напротив, уронила на пол тонкую шпильку. Наклонилась, будто досадуя на собственную неловкость, и краем глаза успела осмотреть нижнюю часть двери.

Под порогом еле заметно блеснул волосок. Светлый и короткий. Оставлен для контроля вскрытия.

Анна поднялась, снова закрепила шпильку в волосах и продолжила путь. Сердце билось спокойно, но тихая тяжесть в правом виске начала нарастать — всегда так случалось, когда картинка перед глазами отказывалась складываться. Вместо одного ясного ответа в голове возникали размытые обрывки, искажённые версии, каждая из которых уводила в сторону от истины.

У дальнего поворота ей навстречу вышла пара пожилых гостей. Женщина в жемчуге, мужчина с тяжёлой походкой и привычкой держать ладонь на пояснице.

Анна улыбнулась, уступила дорогу, выслушала дежурное «какой прекрасный вечер» и ответила так же вежливо. Пока они проходили мимо, служебная дверь в начале коридора мягко закрылась.

Слишком поздно, подумала она. Значит, они либо заметили движение, либо у них был человек в общем коридоре.

Она дошла до лестницы и свернула вниз, в технический проход, где заканчивалась пассажирская чистота и начинался другой лайнер — с голым металлом, ровным гулом вентиляции и редкими лампами, дающими больше теней, чем света. Запах здесь был другой: холодный воздух, смазка, электричество. Не место для прогулок в вечернем платье. Именно поэтому сюда стоило идти.

На первой площадке Анна остановилась и сняла туфлю. Из узкого каблука выскользнула тонкая металлическая пластина — не ключ, но для старых сервисных защёлок хватало и этого. Она взвесила пластину на пальцах и пошла дальше.

Коридор служебки пересекал жилое крыло под прямым углом. Если 1718 был не просто номером, а узлом, рядом должна была быть точка наблюдения.

Через несколько поворотов она увидела узкую нишу с распределительным щитом и створкой без номера. Только матовая табличка: «Сектор обслуживания. Доступ только для персонала».

Вот оно. Створка была закрыта, но не до конца. Неправильная посадка полотна в коробке. Такое бывает, когда замок защёлкнули, а потом быстро открывали и закрывали снова. На металлической ручке — свежий отпечаток от влажной салфетки. Кто-то пытался убрать след.

Анна опустила на колено, приложила ухо к нижней части створки. За ней было тихо. Никакого гудения, никакого шума приборов, даже вентиляция словно шла в обход.

Ложная тишина.

Она ввела пластину в щель у защёлки, надавила, поймала угол и медленно приподняла язычок. Щелчка не было. Анна приоткрыла створку на ладонь.

Внутри темно. Узкий проход, кабельный короб, складные стулья, тележка уборщика, пластиковые контейнеры с бельём. С виду — обычная подсобка. Но за ней угадывался второй объём пространства. Не склад. Дальше коридор ломался вбок.

Анна скользнула внутрь и прикрыла створку.

На стене, скрытой за сложенными коробками, был закреплён маленький блок связи — не стандартный корабельный. Чёрный, матовый, с короткой антенной и дисплеем, на котором мигала одна строка: 17/18 ACTIVE.

Не номер каюты. Сектор. Значит, 1718 была не створкой, а точкой в контуре.

Анна присела, не касаясь устройства. Под ним, в кабельной нише, лежал смятый кусок бумажного браслета — тех самых, которые использует обслуживающий персонал в служебной зоне.

Белый пластик с тонкой синей полосой. На внутренней стороне, куда обычно никто не смотрит, кто-то чёрной пастой нацарапал: позже. Одно слово.

Не инструкция, не имя, не время. Но именно это слово она уже слышала — там, за переборкой, где мужчина сказал, что «по времени они на грани», а женщина ответила: «позже».

Повтор. Значит, не случайный речевой мусор. Анна потянулась было к браслету, но замерла. Снаружи послышались шаги.

Идут не быстро, но прямо сюда. Она не стала поднимать бумажку. Времени уже не было. Взглядом быстро запомнила положение блока, коробок, кабелей, расположение выхода и метнулась за контейнеры с бельём.

Узкий зазор между стеной и стеллажом пах порошком и влагой. Места хватало только чтобы вжаться боком и перестать дышать.

Дверь приоткрылась. Свет из служебного коридора полоснул по полу и исчез. Зашли двое.

— Здесь? — тихо спросил мужской голос.

— Здесь, — ответил женский.

Теперь Анна узнала его. Елена. Тот самый низкий, спокойно-хриплый голос, который умеет звучать тепло на публике и как нож — без свидетелей.

— Блок моргал, — сказал мужчина.

— Кто-то входил.

— Или он старый и опять чудит.

— Он не чудит в такие минуты.

Анна слышала, как кто-то медленно прошёл по помещению. Остановился в шаге от её укрытия. Если человек нагнётся, он увидит край её платья между контейнерами.

— На палубе она была одна? — спросила Елена.

— Сначала да. Потом Мещерский её тормознул. Потом Сорокин. Потом снова потеряли на галерее.

— Не потеряли. Провели.

— Это одно и то же, пока она идёт, куда надо.

Тишина. Только лёгкое потрескивание блока связи.

— Слишком рано она пошла в номер, — сказал мужчина.

— По графику у нас было ещё двадцать минут.

— Значит, придётся двигать остальное.

— А если она уже увидела метку?

— Она должна была её увидеть.

Анна вжалась глубже в щель, хотя дальше было некуда. Значит, её не только пугали. Ей действительно показывали то, что она должна увидеть. Конверт, слово, дверной проём, царапину. Не цепочку ошибок, а коридор из приманок.

— Мне это не нравится, — сказал мужчина.

— Тебе и не должно нравиться. Твоя работа — вовремя уйти, если станет шумно.

— А твоя?

— Сделать так, чтобы шум был направлен не туда.

Щелчок. Похоже, Елена коснулась блока связи.

— Сектор 17/18 закрыть после прохода, — произнесла она уже другим, деловым тоном, словно отдавая команду в стандартный канал.

— Гостевой контур не трогать. Если она сорвётся раньше времени, страхуйте через верх.

Ещё одна фраза, значение которой пока было неясно и потому особенно опасно. Мужчина подошёл к двери. Елена задержалась на секунду дольше.

— И убери браслет, — сказала она.

— Ненавижу мусор после дилетантов.

Анна услышала, как бумажка шуршит о ткань перчатки.

Они ушли. Дверь снова осталась прикрытой. Блок связи уже погас; снимать его было бессмысленно и шумно. На торце контейнера она заметила маленькую наклейку с эмблемой «Одиссея», поверх которой тонким маркером был поставлен крестик. Чья-то собственная система отметок.

Она вышла из подсобки, аккуратно вернув защёлку на место, и уже собиралась идти обратно к жилому крылу, когда за углом снова послышались шаги. Двое. Один говорил в гарнитуру на ходу:

— ...нет, в каюте её нет. Проверяем по направлению движения.

Анна развернулась мгновенно. Она скользнула в боковую нишу и, не думая, сняла с крючка серую куртку техперсонала, висевшую там наготове. Накинула сверху на платье, убрала волосы за воротник и взяла в руку складной планшет, лежавший на полке рядом.

Шаги приблизились. Двое мужчин в тёмной корабельной форме вышли из-за угла и даже не посмотрели на неё.

— Здесь кто-то был? — бросил первый.

Анна не отвела взгляд. Мужчина нахмурился.

— Кто разрешил лезть туда?

— А кто разрешил ставить вашу игрушку на хозяйственную линию?

Второй охранник бросил быстрый взгляд на её куртку.

— Ты из какой смены?

— Из той, которая чинит то, что вы ломаете.

Мужчины переглянулись.

— Ладно, иди, — сказал первый.

— Но, если увидишь женщину в чёрном вечернем платье, сразу на третий канал.

— Я похожа на идиотку?

— Вопрос спорный.

Анна прошла мимо, не ускоряя шага. Значит, её уже не вели. Её искали. На лестнице в пассажирскую зону она сняла серую куртку, аккуратно сложила и оставила на перилах. Планшет тоже.

Дальше нужно было снова выглядеть как гостя, которая просто заблудилась по дороге к себе.

Она вернулась в жилой коридор другой дорогой и снова прошла мимо 1718. Всё выглядело как обычно. Ни голосов, ни света, ни движения. Только тишина. Но пазл уже сложился достаточно, чтобы не обманываться.

1718 был не каютой. Вернее, не только каютой. Это был узел, через который её вели и наблюдали с той точностью, с какой двигают фигуру по шахматной доске, если уверены, что она сама считает ход своим. Анна дошла до своей двери, вошла внутрь и только тогда заперла замок.

Каюта встретила её прежней прохладой, столиком у зеркала, фотографией и словом, которое никуда не делось. Всё осталось на месте, но теперь изменился смысл. До этого конверт был угрозой. Теперь — курсом.

Она подошла к зеркалу, взяла снимок и ещё раз посмотрела на слово на обороте. Соловей.

Анна медленно провела большим пальцем по краю карточки, будто проверяя, не проступит ли под бумагой что-то ещё. Ничего. Только сухая поверхность фото и собственный почерк, ставший чужим.

Тогда она тихо усмехнулась.

— Ну здравствуй, прошлое.

— Только тебя мне не хватало.

Анна посмотрела на часы. До полуночи оставалось два часа.

Кто-то очень хотел, чтобы она узнала об этом настолько поздно, чтобы у неё не осталось права на ошибку.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.